

УДК 316.7

EDN НЕТКQO

doi: 10.17072/2949-5601-2025-2-22-33

Ветошкина Юлия Владимировна,

кандидат культурологии, доцент,
заведующий кафедрой культурологии
и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

kame-yuliya@ya.ru

SPIN-код: 7396-8401

ORCID: 0000-0001-5543-4998

Гаврилов Лев Константинович,

магистр направления «Культурология»

Вятский государственный университет

610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36

gavrilovlev46@gmail.com

SPIN-код: 2072-7350

МЕСТА СТРАХА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕРМЬ И КИРОВ

Целью исследования является выявление страшных, пугающих мест в представлениях горожан Перми и Кирова. Под страхом понимается аффективное состояние, вызванное реальной или мнимой угрозой при столкновении с городским пространством. Метод – исследовательское интервью С. Квале. Авторами было проинтервьюировано 24 респондента из Кирова и Перми. В результате были выявлены основные места страха, которые были объединены по категориям в зависимости от частоты упоминания (начиная с самых частотных): удаленные от центра города районы; заброшенные дома или участки; вокзалы, рынки; пространства «не-города», а именно гаражи, частный сектор, склады; овраги и логи, находящиеся в пространстве города; лиминальные пространства и пустынные места; пространства, где обитают бездомные люди; парки и лесопарки и т. д.

Авторы исследования приходят к следующим выводам. Во-первых, настроения горожан относительно страшных мест являются коллективно разделяемыми представлениями жителей обоих городов. Во-вторых, в пространстве городов сформирован общий эмоциональный режим, согласно которому город скорее воспринимается как положительное место, нежели страшное. В-третьих, эмоциональный режим определяет дискурс горожан: вспоминать и проговаривать отрицательные эмоции (страх) от столкновения с городской средой сложнее, в отличии от сконструированных положительных впечатлений. Тем не менее страшные места присутствует в картине каждого из интервьюируемых.

Ключевые слова: городское пространство, горожане, места страха, коллективные представления, эмоциональный режим, аффект.

Ссылка для цитирования: Ветошкина Ю.В., Гаврилов Л.К. Места страха в современном городском пространстве: Пермь и Киров // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 2(13). – С. 22–33. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-22-33>. EDN НЕТКQO

Yulia V. Vetoshkina,
PhD of Cultural Studies, Associate Professor,
Head of the Department of Cultural Studies and Socio-Humanitarian Technologies
Perm State University
15 Bukireva St., Perm, 614068
kame-yuliya@ya.ru
SPIN code: 7396-8401
ORCID: 0000-0001-5543-4998

Lev K. Gavrilov,
Master's degree student in Cultural Studies
Vyatka State University
610000, Kirov, Moskovskaya str., 36
gavrilovlev46@gmail.com
SPIN code: 2072-7350

PLACES OF FEAR IN MODERN URBAN SPACE: PERM AND KIROV CITY

The purpose of the study is to identify scary frightening places in the representations of the citizens of Perm and Kirov. Fear is understood as an affective state caused by a real or imaginary threat when encountering urban space. The method is a research interview with S. Kvale. The authors interviewed 24 respondents from Kirov and Perm. As a result, the main places of fear were identified, which were grouped into categories depending on the frequency of mention (starting with the most frequent ones). These are areas remote from the city center; abandoned houses or plots; train stations, markets; «non-city» spaces, namely garages, private sector, warehouses; ravines and caves located in the city; liminal spaces and deserted places; spaces inhabited by homeless people; parks and forest parks, etc.

The authors of the study come to the following conclusions. Firstly, the moods of citizens regarding scary places are collectively shared by the residents of both cities; secondly, a common emotional regime has been formed in the urban space, according to which the city is perceived as a positive place rather than a scary one; thirdly, the emotional regime determines the discourse of citizens: to recall and pronounce negative emotions (fear) the encounter with the urban environment is more difficult, in contrast to the positive impressions that the citizens have. Nevertheless, scary places are present in the picture of each of the interviewees.

Keywords: urban space, citizens, places of fear, collective representations, emotional mode, affect.

For citation: Vetoshkina Yu.V, Gavrilov L.K. [Places of fear in modern urban space: Perm and Kirov city]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 2 (13), pp. 22–33 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-2-22-33>, EDN HETKQO

На сегодняшний момент город является пространством, в котором живет более половины населения мира. С точки зрения социологии, антропологии города дать единое определение городского пространства достаточно сложно. Практически каждый исследователь определяет содержание города в зависимости от оптики изучения. В рамках нашего исследования нам откликаются размышления С.С. Аванесова, который считает, что «город представляет собой специфический, сложный культурный конструкт, воплощающий в своем материальном «устройстве» фундаментальные эстетические, социальные и мировоззренческие установки людей» [1, с. 10].

Безусловно, город населяют люди, горожане. Быть горожанином – это не значит проживать в населенном пункте с определенной численностью или иметь соответствующую заполненную графу о месте проживания в паспорте. Горожан объединяют прежде всего общие представления – ценности, нормы, правила, которые составляют часть их городской идентичности. Н.О. Анисимов выделял следующие ценностные установки городских жителей: общность представлений о значимых местах города; символические ценности городской идентичности, а именно «ценности, предметы гордости, то, чем гордятся горожане, что считают значимым для города с точки зрения принадлежности к общей истории города, каким-то знаменательным событием» [2]; мифы саморефлексии, т. е. образные устные выражения (пословицы, поговорки, крылатые фразы) горожан о городе, самих себе и т. д. К таким общим представлениям мы можем отнести и определенные эмоции горожан, порожденные пространством города, в котором они находятся. С одной стороны, город рождает общий эмоциональный фон, т. е. фиксирует уже имеющееся в общем культурном поле отношение на уровне чувств к определенным городским локациям, а с другой стороны, город, безусловно, продуцирует определенные личностно окрашенные эмоции каждого индивида, которые делают город для каждого из нас личностно неповторимым. Н. Элиас обратил особое внимание на то, что эмоциям свойственна интерсубъективность. Эмоции формируются в межличностном взаимодействии в результате влияния членов коллектива друг на друга, а потому сочетают в себе и индивидуальное, и социальное начала.

В этой статье мы обратимся к эмоции «страха». Нам показалось достаточно важным обратиться к такому опыту чувствования горожан, который связан с осмысливанием города как символического или реального набора «страшных мест».

Страх – это та эмоция, которая изучается прежде всего в рамках психологического знания. В психологии страх традиционно относят к «негативным» эмоциям; различают страхи реальные и невротические (фобии). В рамках психоаналитического подхода его основоположник Зигмунд Фрейд определял страх как аффективное состояние, заключающееся в ожидании угрозы: «Под страхом по большей части понимают субъективное состояние, в которое попадают благодаря ощущению “развития страха”, и называют его аффектом» [10, с. 448]. Страх перед чем-то конкретным он называл боязнью, а патологический страх – фобией. Современный психолог Е.П. Ильин, продолжающий работать с темой «страха», обратил внимание на то, что «анализ психологической литературы показал, что при обсуждении проблемы страха используется множество разных понятий – “страх”, “тревога”, “боязнь”, “опасение”, “испуг”, “паника”, “фобии”, – но сказать, отличаются ли они друг от друга и какие из них являются более общими, а какие частными, довольно трудно» [4]. В интервью наших респондентов мы встречаем разные словосочетания, описания «страшных мест» города, что подтверждает представление о том, что терминологически «начиная с 20-х гг. XX в. и до настоящего времени, категориально-понятийный аппарат для описания страхов и угроз разработан недостаточно» [7, с. 126].

Реконструируя представления горожан о местах страха в городском пространстве, в качестве методологической концепции будет использована теория коллективных представлений (Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Л. Леви-Брюль). Нам представляется, что убеждения горожан относительно страшных мест – это распространенные общественные идеи и убеждения, которые универсальны по содержанию и обеспечивают преемственность коллективной жизни, формируются у индивидов в процессе социализации.

Цель нашего исследования – выявить страшные места в представлении горожан Перми и Кирова, провести классификацию этих мест, типологизировать их. В классификации выявленных мест страха мы отчасти будем опираться на уже проведенное исследование доктора психологических наук Н.К. Радиной [7], которая изучала представления о страхе у жителей Нижнего Новгорода и выявила набор таких представлений о страшных местах.

В нашем исследовании мы выбрали метод глубинного интервью С. Квале [5]. Респондентами выступили жители двух городов – Перми и Кирова. В интервьюировании приняло участие 13 респондентов из Перми и 11 участников из Кирова. Пермь и Киров – два достаточно крупных российских города, являются административными центрами Пермского края и Кировской области соответственно, расположены недалеко друг от друга. Киров известен как исторический, культурный центр Русского севера, в то время как Пермь позиционируется как многоотраслевой промышленный и научный центр Урала. Мы исходили из предположения, что города эти схожи и различны одновременно, тем интереснее было сравнить и выявить особенности эмоционального восприятия городов его жителями.

Выборка для глубинного интервью была целеориентированной. Критериями отбора информантов для глубинного интервью стали, во-первых, фактор желания людей говорить на достаточно личную тему, связанную с обнаружением собственных страхов. В процессе беседы интервьюируемые довольно много рефлексировали по поводу выявленного отношения к определенным городским локациям. Во-вторых, для нас было важно наличие городской идентичности у респондентов. Мы использовали количественный критерий, согласно которому респондент должен проживать в городе не менее десяти лет. С социологической, культурологической точек зрения нельзя однозначно определить, за какой промежуток времени формируется городская идентичность, т. к. этот процесс зависит от множества факторов, однако исследование О.И. Муравьевой и соавторов показало, что период проживания в городе в интервале 6–10 лет является критическим для субъективного переживания идентичности с городом [6]. Таким образом, наши респонденты – это те, кто хотят говорить о городском пространстве, разделяют его общие ценности и нормы, обнаруживают свою принадлежность к исследуемым городам, живут в них не менее 10 лет.

После завершения интервью мы проанализировали собранные данные и нашли паттерны – повторяющиеся ответы респондентов, которые и стали основой для последующего анализа. Мы намеренно не стали разделять ответы респондентов по их принадлежности к Кирову или Перми, потому что выявленные особенности скорее характеризуют тип поселения и сложившиеся представления относительного городских пространств, нежели специфику конкретного города.

Сперва следует указать на то, что вопрос о страшных местах в контексте городского пространства для многих респондентов оказался сбивающим с толку, заставляющим задуматься – вопрос, на который большинство опрошенных не могли дать ответ сразу, в отличие, например, от вопроса о любимых местах города. Н. Элиас, отмечая развитие цивилизации, писал: «Развитие шло в направлении более строгого контроля над эмоциями и большего сдерживания спонтанных проявлений чувств» [9, с. 38].

В большинстве случаев респондентам требовалось время, чтобы вспомнить какие-либо страшные места: «Что меня может пугать... Интересный вопрос. Наверное, каких-то серьезных мест, которые меня пугают, в городе нет. Или я в таких местах еще даже не бывал и, может быть, даже не знаю» (Р.10., муж, 22). Вероятно, это связано с тем, что любой неприят-

ный и травмирующий опыт, согласно теории психоанализа, вытесняется из сознательной жизни субъекта в бессознательное, однако продолжает влиять на него. Так, некоторые места города приобретают негативную окраску вследствие пережитого там негативного травмирующего опыта: «Недавно я вдруг поняла, что еще места очень сильно связаны с твоей личной биографией. Например, в центре города на пересечении Ленина и Борчанинова совершенно нелепо и трагически погибла моя знакомая, на нее напал сумасшедший с ножом средь бела дня, весной. Это было лет двадцать назад... Мы тогда все в шоке были, плакали. А для меня это место, этот пятак городской навсегда оскверненным осталось. Я когда там прохожу стараюсь убыстриться, не смотреть по сторонам» (Р.3, жен., 44). О подобных случаях респонденты упоминают не часто, однако в подавляющем большинстве опрошенные всегда ссылаются на личный опыт, говоря о страшных местах. Личный опыт связан с неприятными ощущениями, как физическими (запах, грязь, неприятный и пугающий внешний вид сооружений и т. д.), так и не относящимися напрямую к перцептивному опыту (ощущение покинутости, заброшенности, «ненастоящности» и т. д.) или даже переживанию страха как такового: «Еще мне не нравится, что там очень узкие улицы и много странных вывесок. Это создает ощущение какой-то безвкусицы, бедности, скуки – поэтому я не люблю там бывать» (Р.16., жен., 28).

Не менее важен также тот факт, что зачастую респонденты объясняют, почему те или иные места кажутся им страшными, пытаясь найти рациональные причины, которые связаны с угрозой здоровью, жизни, безопасности и комфорту. Однако зачастую респонденты не приводят в пример опыт прямого столкновения с травмирующей ситуацией из личной биографии на примере указываемых ими страшных мест. Ввиду этого страх и дискомфортные ощущения, вызываемые страшными местами города, которые респонденты пытаются объяснить вполне рационально, можно также считать и иррациональным, т. к. они не связаны с очевидными риском и угрозой, а во многом сформированы стереотипическими представлениями об этих местах: «Меня может пугать какая-нибудь подворотня с каким-нибудь закутком, где может поджидать маньяк. Собственно, наверное, какие-то базовые вещи. А так, конкретного места, я думаю, нет» (Р.10., муж, 22). В этом указании на «базовые вещи» (респондент имеет в виду базовые страшные места/ситуации, в данном случае – подворотню) прослеживается наличие стереотипов о страшных местах города, которые разделяются большинством горожан, хотя определить их зачастую проблематично, однако основания для того, чтобы утверждать об их существовании, вполне оправданы, т. к., например, для схожих случаев описания страшных мест (одних и тех же у разных респондентов) свойственны одни и те же причины, по которым они считаются страшными и которыми респонденты объясняют свои ощущения.

В отличии от исследования Н.К. Радиной, на работе которой мы основываемся, мы не будем выделять иррациональные и рациональные страхи в отдельные категории, т. к. зачастую, как было сказано ранее, трудно назвать тот или иной страх рациональным или иррациональным ввиду того, что респонденты пытаются дать рациональное объяснение своему страху без вполне убедительных оснований. Наша типология будет основываться на том, насколько часто те или иные типы мест встречаются в ответах респондентов. Так, было выявлено несколько основных типов страшных мест.

Наиболее часто указываемым (в 16 ответах респондентов) страшным местом в ответах респондентов являются удаленные от центра города районы. Такие районы зачастую указы-

ваются респондентами как неблагополучные, криминальные, районы, жителей которых относят к маргиналам: «Плохая освещенность, много заброшенных зданий, бродячих собак, маргинальных группировок, высокая преступность» (Р.20., жен., 20). Респонденты при описании таких районов часто ссылаются на плохую инфраструктуру, аварийное или заброшенное состояние зданий, отсутствие благоустройства, слабую освещенность, криминогенный характер этих мест: «Т. е. это такие спальные-спальные районы, удалены от центра и обособлены, не так развита инфраструктура, и в таких районах повышается и преступность, и все остальное. Туда цивилизованная ментальность не доходит или доходит с опозданием» (Р.9., муж., 23). Причиной страха зачастую выступает контингент людей, проживающих на территории этих районов: «Причина тому – жители данного района. Я понимаю, что контингент не зависит от удаленности от центра, но как будто из-за особенностей окружающей среды этого района и особенностей мест трудозанятости, если так можно сказать, формируется определенное комьюнити, которое там проживает – достаточно неприятные люди, из-за чего просто не чувствую себя в безопасности и спокойствии, не то, чтобы в темное время суток, а вообще находясь в этом районе» (Р.8., жен., 23). При этом респонденты в подавляющем большинстве не описывают случаев прямого столкновения с людьми из этих районов, что указывает на стигматизацию их жителей ввиду существующих в сознании горожан стереотипов об образе и качестве жизни людей из неблагополучных районов: бедность, социально опасное или неприемлемое поведение, низкое качество жизни и т. д. Кроме того, некоторые респонденты, говоря о подобных местах, указывают на страх, носящий скорее экзистенциальный характер: «Я очень боюсь однообразия и бессмыслицы в жизни, поэтому, когда я там оказываюсь, этот визуальный образ воплощает мои страхи, и я чувствую себя не очень комфортно. Мне кажется, что я там не на своем месте, мне там некомфортно, и я там стараюсь не бывать» (Р.16., жен., 28). Сюда же относятся указываемые респондентами общежития, малосемейные дома в этих районах: «Просто атмосфера там такая, люди – не то, чтобы грубые, не то, чтобы злые – как будто бы все алкоголики. Просто такое ощущение» (Р.11., муж., 23). Респонденты описывают свои ощущения не как переживание страха ввиду опасности для жизни и здоровья, а как переживание страха бессмыслицы жизни, заброшенности, покинутости – это, как нам кажется, позволяет рассматривать страхи горожан не только как рациональные/иррациональные, но и как страхи экзистенциальные, связанные со смыслом человеческого существования, которые провоцируют страшные места.

Второй по частоте называния тип страшных мест – заброшенные дома или участки. В эту категорию включаются любые заброшенные объекты: здания, земельные участки, захолустные незаселенные улицы и т. д. В большинстве случаев респонденты не указывают заброшенные дома или другие заброшенные объекты в отдельную категорию страшных мест, однако при описании тех или иных мест их заброшенность, состояние упадка указывается как характеристика этого страшного места – его неотъемлемый компонент. Так, встречаются ответы, согласно которым заброшенное состояние построек вызывает у респондентов прямые ассоциации с людьми, проживающими либо в них, либо поблизости с ними: «Там тоже двухэтажные дома разбитые, страшные, и по ощущениям, люди такие же» (Р.12., муж., 21). Респонденты также не говорят о наличии какого-то травмирующего личного опыта, связанного с заброшенными объектами: чаще всего чувства страха, дискомфорта и т. д. связаны с внешним видом самих строений, которое вызывает в респондентах чувство покинутости, заброшенности, имитации жизни: «Меня немного пугает – я там была всего один раз – же-

лезнодорожная больница рядом со Spartakom, заброшенная. Точнее напротив больницы что-то заброшенное есть. Как бы в центре города красивое здание, но заброшенное, туда постоянно кто-то ходит. Оно меня пугает тем, что оно почти живое, но там ничего живого нет» (Р.15., жен., 22). Указывая на заброшенность как атрибут страшного места, респонденты не говорят об этом с точки зрения опасности или угрозы для жизни и здоровья, а отмечают скорее на экзистенциальный характер своего страха: «Беспокойство вызывает то, что заброшка – это заброшка. Она, как и все другие заброшки, вызывает чувство покинутости, оставленности, безнадеги» (Р.15., жен., 22).

Интересно то, что заброшенное здание – это всегда некогда жилое здание, которое утратило эту жизнь, перестало быть таковым, что нас напрямую отсылает к концепции «жуткого», описанной З. Фрейдом, заключающейся в том, что «... жуткое – это все, что должно было оставаться тайным, сокровенным и выдало себя» [11, с. 268].

Немецкое слово «unheimliche» дословно можно перевести как «не-домашний», общепринятый перевод этого слова – «жуткий» или «зловещий». Жутким нам кажется все то, что утрачивает свой привычный облик, что давно знакомо нам, но становится чем-то, что раскрывает в себе пугающие черты инаковости: то, что мы хорошо знали, но что оказалось не тем, чем оно для нас являлось. Заброшенные здания – яркий тому пример: некогда жилые помещения становятся покинутыми, забытыми и пустыми, зачастую также в плохом или аварийном состоянии, что и вызывает в нас чувство страха (точнее жути), но страха не перед угрозой жизни (за исключением опасности обрушения аварийных зданий), а страха перед тем, чем они являются, открывшись для нас как чужие, незнакомые, совершенно иные (хотя некогда они были полны жизни, а для кого-то являлись домом) – не такие, какими они нам представлялись, но какими они всегда на самом деле и были.

Третьим по частоте упоминания местом страха является вокзал, железнодорожный или автовокзал, а также аэропорт. Вокзал или аэропорт являются транзитной зоной, в которой происходит постоянное движение индивидов, большинство из которых – приезжие, т. е. «чужие». Фигура чужака особенно важна для характеристики вокзала как страшного места. Кроме этого, наши респонденты в своих ответах ссылаются еще и на грязь, большое количество людей, вызванную этим давку, тесноту: «Место агрессии таксистов-зазывал, место вечной грязи от транспорта, там тусуются всякие маргинальные элементы и попасть туда можно только через подземный переход – страшный и вонючий» (Р.3, жен., 44); «Вокзал – место для людей, которые откуда-то бегут и на меня это навевает страх» (Р19., жен., 20). Респонденты описывают свои неприятные ощущения, объясняя это зачастую грязью, неприятным запахом, давкой, вызванной большим количеством людей, и т. д. При этом респонденты в своих ответах почти не указывают «чужого» как причину их страха перед этим местом – респондентов, что следует из их ответов, скорее пугает давка, вызванная наличием толпы, а также общее состояние места как нечистого и дискомфортного.

Четвертым же по популярности ответом стал «рынок», который указывался респондентами также часто, как и вокзал, и во многом имеет те же ассоциации с грязью, плохим запахом и большим скоплением людей и описывается зачастую схожим образом: «Центральный рынок, все органы чувств сопротивляются тому, чтобы проходить мимо него: отталкивающие запахи, с визуальной точки зрения там достаточно грязно, обилие сомнительных людей, которые в теории могут представлять угрозу» (Р.24, муж., 21 год). Рынок также является местом пребывания «чужих», ведь, согласно Г. Зиммелю, «<...> чужак всегда и повсюду вы-

ступает как торговец, а торговец – как чужак» [3, с. 229]. Чужак же, в свою очередь, является фигурой исключенной: «Только здесь у «чужака» нет никакого позитивного смысла, отношение к нему есть неотношение, он – не то, как он здесь рассматривается: член самой группы.» [там же, с. 232]. «Ох, наверное, самое неприятное место для меня – это колхозный рынок. Еще в детстве мы приезжали туда и попадали в круговерть каких-то странных людей» (Р.3, жен., 44 года).

Пятым по количеству упоминаний в ответах респондентов является пространство «не-города»: гаражи, частный сектор, склады. Зачастую подобные места оцениваются опрашиваемыми как небезопасные, представляющие угрозу из-за, например, бездомных животных, маргинальных элементов, «чужих» и т. д.: «<...> куча бездомных шаек собак, наркоманы, бездомные люди, отсутствие освещения, длинные ряды из гаражей, в которых можно потеряться, высокая преступность, постоянно несанкционированно появляющиеся свалки, близость к лесу» (Р.20., жен., 20 лет). Гаражи или склады выступают как «не-городское» пространство, существующее внутри города или на его окраинах, вызывающее страх у респондентов ввиду незащищенности перед угрозами, которые здесь таятся: «Склады, гаражи, иностранцы со взрывным характером заставляют быстрее пройти это место» (Р.23., жен., 20 лет).

Шестым по популярности ответом стали овраги и лога, находящиеся в пространстве города: «Не люблю и боюсь всяких обрывов, оврагов, тех мест, где поверхность земли изломанная. Как будто в этом есть что-то нарушающее общую гармонию» (Р.3, жен., 44 года). Зачастую подобные места описываются как места повышенной опасности из-за их природных особенностей: крутой спуск, резкий обрыв и т. д. Однако горожане также указывают и на иную их особенность – это пустынное место, выступающее сродни заброшенным зданиям, только в контексте городского ландшафта и среды. Такие локации порождают чувство брошенности, оставленности и пустоты: «Есть то, что мне не нравится. Неприятно, когда в центре какой-то овраг, пустырь, где ничего нет, пространство не используется, там просто свалка. Это где-то в центре – ул. Горбачева, там, где овраг Засора перед Ленина, между ул. Карла Маркса и ул. Ленина. Как будто центр города, вокруг здания, все ухожено, а центр сам по себе, этот котлован сам по себе как червоточина» (Р.9., муж., 23 года).

Восьмым по частоте ответов на вопрос о страшных местах города стали темные улицы, подворотни, дворы, малолюдные места – городские пространства с малым количеством людей: «Ты не понимаешь, кого ты там можешь встретить, и с какими целями этот человек будет» (Р.3, жен., 44 года). К ним мы бы также отнесли подземные переходы, подъезды и лифты. Зачастую эти места выступают как потенциально опасные для жизни и здоровья пространства, т. к. они могут содержать в себе скрытые угрозы в виде потенциально опасных людей, маргинальных групп, о чем указывают некоторые респонденты. Однако в описании этих мест также присутствует указание на некоторый иррациональный страх – страх перед самим местом: «У меня хоть и нет боязни замкнутого пространства, но в целом освещение какое-то, тоже запахи, отсутствие или наоборот переполненность людьми этих пространств меня напрягает, и я чувствую, что у меня неприятные физические ощущения в теле начинаются» (Р.5., жен., 22 года). Подобные места могут пугать сами по себе – здесь также уместно обратиться к концепции «жуткого» Фрейда. В этом смысле на их восприятие как «жутких мест» влияют два фактора: темнота и лиминальность.

Темнота сама по себе может выступать признаком страшного места, ведь зачастую даже самые обыденные места могут казаться пугающими или неприятными в темное время су-

ток: «Также грустные чувства может навевать не столько места, сколько время, когда ближе к вечеру становится мало людей на улице, немного мест подсвеченено, и чувствуешь, что ты в темноте, и это немного мысли нехорошие навевает» (Р.17., муж., 22 года). Для объяснения такого воздействия темноты на респондентов важно то, что у опрашиваемых в темное время суток появляются ощущения замедления жизни города, улицы становятся пустынными и малолюдными, а в городе остаются лишь маргинальные элементы, способные причинить вред. Привычные дворы и улицы раскрываются с другой стороны, более жуткой, именно в темное время суток.

В совокупности с этим работает другая характеристика этих мест – «лиминальность», т. е. переходность. Эти пространства: подъезд, переулок, лифт, дворы, улицы – являются местами перехода людей из одной точки своего маршрута в другую, зачастую с работы или учебы до дома. Соответственно, подобные места являются лишь промежуточными зонами – человек не стремится задержаться там, эти места могут вызывать чувства дискомфорта, страха, тревоги и т. д., т. к. представляют собой зоны повышенной опасности, например, из-за того, что на пути вам может встретиться незнакомец, угрожающий жизни и здоровью, или само место воспринимается как небезопасное: «В лифте, когда ты думаешь, что лучше – лечь на пол или прыгнуть, когда он начнет падать. Это может быть, когда переходишь светофор. В подъезде, когда там пьяный бомж с ножом. Это может быть везде – абсолютно» (Р.10., муж, 22 года). Само качество лиминальности этих мест порождает беспокойство, и зачастую не только благодаря потенциальной опасности для жизни и здоровья, но и ввиду особого характера восприятия этих мест, которое изменяется вместе с обстоятельствами их восприятия: улица, полная людей в светлое время суток предпочтительнее и выглядит менее опасно, чем пустая улица в темное время суток.

В связи с этим хотелось бы обратиться еще к одной категории мест, которую указывают не так часто, а именно – пустыри и пустынные места: «Раньше немножко пугал Кочуровский парк, когда он еще был новоделом, и там не было особо растительности, и ты идешь почти по голому полу с этим березками – просто голые деревья. Пустынно» (Р.15., жен., 22 года). Подобные места также представляют собой лиминальные пространства, но не столько как пространства перехода (хотя они и не лишены этого качества), сколько как места, не используемые в практических целях, исключенные из повседневной жизни – «не-места», если обращаться к терминологии М. Оже, пустые и безлюдные, чужие для всех [8]. Они выглядят безжизненными, заброшенными (по аналогии с заброшенными зданиями), пустыми, что порождает у респондентов чувство тревоги, страха. При этом некоторые респонденты указывают на чувства, напоминающие как переживание жуткого, так и экзистенциального страха: «А парк – как будто искусственно создан, часто неприятное ощущение какой-то ненастоящности» (Р.15., жен., 22 года). Как нам кажется, в этих случаях у респондентов не появляется ожидание скрытой угрозы, но само место, без видимых источников опасности, выглядит пугающее, потому что открылось с другой стороны – как не-место.

Отдельно выделяют наличие бездомных людей как маркер страшного места: «Там, где были бомжи. Места, где они собирались. Это было даже у меня в подъезде. Если там стоит много бомжей, а они любят собираться около подъезда пить, было всегда страшно проходить мимо» (Р.10., муж, 22 года). В этом случае опять же имеет место стигматизация, приписывание бездомным определенных стереотипов, вытеснение их на периферию из общественного сознания. Никто из опрашиваемых не упоминал о ситуациях личного столкновения с без-

домными или о случаях, когда бездомные наносили бы кому-либо вред, но стереотип о том, что они являются маргинальными элементами общества и представляют собой источник опасности, сохраняется, и зачастую их наличие на определенной территории выступает маркером неблагополучия, бедности или опасности района: «Это, кстати, единственный район, где я видела бомжей» (Р.16., жен., 28 лет).

Указываются, но гораздо реже леса, парки и лесопарки как криминогенные зоны, в которых существует риск опасности для жизни и здоровья, хотя зачастую эти опасности остаются для горожан не очевидными: «Можно сказать, я там был только в дневное время суток, поэтому этот момент с вечерним временем просто упустил. Хотя, да, я бы так сказал, что именно вечером, именно в глубине парка, я бы тоже, ну, как-то стороной желательно обходил, потому что тоже, на самом деле, вызывают вопросы» (Р.6., муж., 27 лет). Чаще парки и лесопарки в ответах респондентов указываются как места приятные и предпочтительные для досуга, как места прогулок и совместного времяпрепровождения, хотя встречаются и противоположные мнения.

Интересно то, что двое респондентов в своих ответах указали церкви как места неприятные для посещения, причем мотивировали свой ответ по-разному. В одном ответе церковь выступает как институция со своими порядками и правилами, которые могут разделяться большинством прихожан церкви, но знание этих правил при этом может оставаться прерогативой церковнослужителей, а неподобающее поведение прихожан расценивается как неприемлемое и социально неодобряемое, что и становится причиной страха: «Не нравится и не приятно в церквях, храмах, тех местах, где ты не знаешь, что делать, не знаешь правил. Где ты можешь нарушить правила и на тебя за это наорут» (Р.2., муж., 45 лет). Другой респондент указывает на характер деятельности церковнослужителей, а именно на постоянное присутствие смерти в деятельности церкви (проведение обряда отпевания), что также становится причиной страха и дискомфорта: «Возможно, в детстве я боялся церквей. Это было связано со смертью близких. Ну мне просто преподносили это так, что церковь забирает людей на небеса. Мне было неприятно там находиться» (Р.10., муж, 22 года).

Стоит также упомянуть о местах контроля правоохранительных органов. Подобные ответы также встречаются редко, в этом исследовании было два респондента, которые упомянули подобные места, причем один из них говорил о полицейском участке с положительной точки зрения как о безопасном месте с постоянным контролем. Второй же высказался о том, что подобные места вызывают беспокойство из-за потенциальной угрозы стать объектом внимания правоохранительных органов: «Чувствуется дискомфорт определенный, как будто знаешь, что ни в чем не виноват, но все равно немножко встаешь по струнке и боишься, что вот сейчас кто-то выйдет и тебе начнут задавать какие-то вопросы, спрашивать что-то, и ты окажешься все-таки в такой ситуации и некомфортно» (Р.5., жен., 22 года).

Редко указывают заводы, предприятия и места строек. С одной стороны, эти зоны выступают как места повышенной опасности из-за риска получения травм и угрозы жизни, возможно, также из-за негативного влияния на окружающую среду, с другой – подобные локации скорее дополняют в сознании горожан общий удручающий вид рабочих и заводских районов: «Нагромождение большого количества непонятных серых зданий, между которыми немноголюдно, а если есть люди, то такого же чужого сомнительного характера. Всю картину дополняет завод на заднем плане» (Р.23., жен., 20 лет).

Столь же редко в ответах респондентов указываются и увеселительные заведения: клубы, бары. Зачастую они, наоборот, указываются как приятные и безопасные места в городском пространстве, в которых горожане проводят свой досуг. Однако встречаются и противоположные ответы, в которых респонденты указывают на то, что это места повышенной опасности из-за возможного неадекватного поведения посетителей: «Знаю, что в нашем городе плохие клубы. Но они меня не пугают, но они мне не приятны. Все, опять же, упирается в то, что зависит от людей, которые находятся в этом месте» (Р.10., муж, 22 года). «Бывали, конечно, такие ситуации, но это статья попозависит от компании, или, например, бывает, что ты идешь по какому-то центру рядом с баром, и там подвыпившая компания начинает проводить разборки. Такое бывало, но в целом не так часто» (Р.14., жен., 37 лет).

Таким образом, в результате нашего исследования мы выявили следующие места страха в городских пространствах Перми и Кирова. Перечислим их в порядке убывания по частотности в ответах респондентов: удаленные от центра города районы; заброшенные дома или участки; вокзалы, рынки; пространство «не-города»: гаражи, частный сектор, склады; овраги и лога, находящиеся в пространстве города; темные улицы, подворотни, дворы, малолюдные места – городские пространства с малым количеством людей; лиминальные пространства, пустыри и пустынные места; пространства, где обитают бездомные люди; леса, парки и лесопарки; институции, где действуют строгие правила и нормы, нарушение которых влечет как минимум словесное порицание, а следовательно, есть страх, боязнь не соответствовать определенной социальной роли.

Следует отметить, что выявленные нами паттерны страха являются общими для двух городов. Мы не можем обнаружить сколько-нибудь весомых различий в описании пугающих локаций между Пермью и Кировом. Это говорит о том, что для горожан характерен общий эмоциональный режим. Понятие «эмоциональный режим» ввел американский ученый Уильям Редди, который выделил господствующую и санкционированную авторитетами систему переживания, выражения и восприятия эмоций. В своей монографии У. Редди выявил, что общие эмоциональные режимы можно выделить в отношении общности людей по отношению к разным историческим и культурным эпохам. Мы считаем, что в больших городах складываются определенные эмоциональные режимы, которые разделяет сообщество горожан [12]. Согласно этим правилам, многие отмечают, что город, в котором они живут, меняется к лучшему: «Все так красиво, лавочки, чистота, урны везде. Вот город меняется на протяжении уже 20 лет...» (Р.1, жен., 36 лет). Городу свойственна опора на рацио индивидов, положительные эмоции. Страх сложно вычленить из общего эмоционального фона, условный правильный горожанин свой страх города прячет, как будто даже стесняется его и с удивлением обнаруживает, что города можно бояться по самым разным причинам. Кроме того, как мы указали в начале, у страха нет точного и жесткого определения в научной среде, поэтому и в повседневной беседе с понятием «страшное место» оказывается сопряжено большое количество эмоций и чувств. Страшное – это и неприятное, и дурнопахнущее, и настораживающее, и волнительное, и тревожное, и даже тоскливо.

В целом хотелось бы отметить, что согласно сложившегося общего эмоционального режима, для современных жителей город представляется скорее как не страшное, а вполне удовлетворительное место, предоставляющее возможность работать, отдыхать, воспитывать детей, проживать самые разные эмоции и чувства, где страх стоит хотя и не на первом месте, но обнаруживается по отношению к самым различным местам и явлениям.

Библиографический список

1. Аванесов С.С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2(16). С. 10–31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31 EDN: XSFJQT
2. Анисимов Н.О. Идентичность и город // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 3(23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-gorod> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
4. Ильин Е.П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017. URL: <https://www.livelib.ru/book/139424/readpart-psihologiya-straha-evgenij-ilin> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Кваде С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с. ISBN: 5-89357-145-2 EDN: QXGGCB
6. Литвина С.А., Кружкова О.В. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / С. А. Литвина, О. В. Кружкова и др. // Вестник НГПУ. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-struktury-identichnosti-s-gorodom-molodezhi-rossijskih-gorodov> (дата обращения: 25.05.2025).
7. Радина Н.К. Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141. EDN: OWHMYF
8. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна // Новое литературное обозрение. 1992. 55 с.
9. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 332 с.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: ACT, 2022. 544 с.
11. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.
12. Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380 p. DOI: 10.1017/CBO9780511512001